

УДК 861.161.1
DOI 10.17223/18137083/65/9

В. В. Мароши

Новосибирский государственный педагогический университет

**Между мифом и антропологией:
кеты в современной русской литературе**

Статья посвящена изображению кетов в современной отечественной литературе. В постсоветской прозе и поэзии роль этого этноса резко изменилась: из изгоев русской литературы XIX в. кеты превратились, с одной стороны, в эпических героев этноисторических романов писателей Красноярского края (А. Григоренко, А. Бондаренко), а с другой – стали персонажами реалистической прозы М. Тарковского, в которой современное поколение кетов предстает в довольно мрачной перспективе лишенных идентичности маргиналов-алкоголиков. В постмодернистской поэзии К. Решетникова 1990-х гг. кетский миф так и не был создан, хотя в ней были использованы мотивы и персонажи кетской мифологии.

Ключевые слова: русская литература, этническая литература, малочисленные народы, кеты, реализм, миф.

В отличие от некоторых других малочисленных народов Сибири этнос кетов (в XIX в. их называли енисейскими остяками) не смог выразить свою идентичность в XX в. в русскоязычной или автохтонной словесности авторского типа. Немногочисленные кетские интеллигенты предпочитают роли общественных деятелей или информантов для этнографов и лингвистов. Попытки создания в начале 2000-х гг. новых институций, которые бы остановили процесс утраты языка (общество кетской культуры, обучение языку в школе, новые центры изучения) нельзя признать успешными.

Напомним, что инициатива по созданию письменных литератур малочисленных народов Севера и Сибири принадлежала советским этнографам – выходцам из дореволюционной промарксистской русской этнографии. Наиболее заметную роль здесь сыграл В. Г. Богораз-Тан, создавший первый краеведческий журнал «Тайга и тундра» (1929), в котором студенты, аборигены Севера попробовали себя в качестве авторов. В 1936 г. Гослитиздат выпустил первые произведения авторов, представлявших малочисленные народы Севера и Сибири, и провел пер-

Мароши Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Виллюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; maroshi@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© В. В. Мароши, 2018

вый литературный конкурс на лучшее произведение на одном из языков этих этносов. Тем самым был дан старт процессу создания словесности малочисленных народов в рамках советской многонациональной литературы. Литературные итоги этого начинания подвел обобщающий труд В. В. Огрызко (см. [Огрызко, 1998; 1999]), а вот успешность собственно культурного проекта, связанного с ним, может стать предметом долгих и бесплодных дискуссий.

С 2002 г. в издательстве «Литературная Россия» в серии «Библиотека писательской артели «Литрос» под руководством самого авторитетного знатока литератур малочисленных народов Вячеслава Огрызко стали выходить сборники с однотипными названиями «Хантыйская литература», «Мансийская литература», «Ительменская литература» и т. д. Совершенно очевидно, что авторы проекта намерены реализовать свою концепцию: на сегодняшний день вышло 13 книг. Однако состав этих сборников, как и численность представленных в них этносов и объем их собственно письменных литератур, довольно сильно варьируется: в одних действительно преобладают сведения об истории и авторах той или иной этнической литературы, в других же – этнографические и лингвистические труды, посвященные народу, его языку и мифологии (см., например, [Селькупская литература, 2013]). В случае выхода сборника кетской литературы следует ожидать скорее второго.

В постсоветский литературоведческий обиход стали входить понятия и многоэтнической литературы (Multi-Ethnical Literature), и этнической литературы (Ethnical Literature), пришедшие из американского литературоведения 1970-х – 1990-х гг. В узком смысле к последней стали относить произведения, в которых достаточно определенно выражено сознание своей этнической идентичности автором и героем повествования. Однако для нашей статьи придется использовать дефиниции этнической литературы в широком смысле, под которой понимается «любая литература, которая содержит этнические референции» [Reilly, 1978, p. 2]. Роль создателей «кетской русской литературы» в обозначенных выше условиях пришлось взять на себя русским писателям, поэтому «кетская тема» стала частью сентиментально-христианского и обличительно-христианского дискурсов «старшей литературы».

Ссылный А. Н. Радищев первым из русских литераторов дал обобщенную характеристику малых народов Сибири, не устаревшую до сих пор:

Просты в нравах, застенчивы, гостеприимны, а повсеместная их страсть есть пьянство. Толико они оному преданы, что принуждены были издавна уже совсем запретить продажу горячих напитков в их кочевьях. Они в сем случае не знают ни умеренности и не жалеют ни здоровья, ни имущества [Радищев, 1952, с. 136].

В полном соответствии со своими сентиментально-просветительскими убеждениями он представил инородцев жертвами русских торговцев и священников:

Сии зверские ростовщики выманивают у них летом запасенную ими пищу за дешевую цену, а при начале зимы продают им ее же чрезмерно дорого. Таким образом, несчастные сии бывают жертвою плутовства городских жителей. Другое утеснение бывает им от неистовства священных служителей. Разъезжая по почтовому без платежа прогонов из одного селения в другое, пьют и едят даром и выманивают у сих простяков все, что только можно... [Там же, с. 136–137]

В оценках Радищева намечена главная межэтническая и социокультурная коллизия русской публицистики, очерков и травелогов XIX – начала XX в.: хитрые и жестокие вредители (купцы, священники, ссылные и просто русские крестьяне) обманывают и притесняют несчастных простодушных инородцев, а надэтнические

русские интеллигенты (русские, евреи, поляки) пытаются их спасти, невольно впадая при этом антагонизме по отношению к своему народу в русофобию. К концу XIX в. именно кеты в наибольшей степени стали претендовать на роль «отверженных» сентиментально-интеллигентского, антиколониального дискурса. Роль же «дворян» Сибири («их по справедливости можно было бы назвать дворянством Сибири» [Кастрен, 1999, с. 150]), фаворитов русской прозы с 1830-х гг. до начала XX в. стали играть «тунгусы» и «тунгуски», совсем не случайно включенные Пушкиным в сонм своих будущих читателей.

Из анализа сибирских гидронимов, проведенных А. П. Дульзоном, следует, что ареал прежнего распространения этноса был намного больше и включал в себя весь юго-восток Западной Сибири и юг Восточной Сибири [Дульзон, 1962]. Этот контраст нынешнего прозябания остатков народа и его «славного исторического прошлого» вызывает в памяти очевидный литературный прецедент – «последних из могикан», по названию одноименного исторического романа Д. Ф. Купера («The Last of the Mohicans», 1826), ср. соцреалистический его вариант – незаконченный роман А. Фадеева «Последний из удэге» (1929–1940). Фадеев заимствовал у Купера повествовательную перспективу для противопоставления мифического прошлого и убогого настоящего, сложности и величины географического пространства, занимаемого кочующим этносом, и примитивности социального устройства:

Народ кочевал по стране, могущей вместить семь с половиной таких государств, как Япония, и десять таких государств, как Англия с Шотландией и Ирландией и Нормандскими островами. Когда-то народ был велик. В песне говорилось, что лебеди, перелетая через страну, становились черными от дыма юрт [Фадеев, 1957, с. 83].

Сравним идентичный нарративный стереотип в романе «Воскресшее племя» (1935) знаменитого этнографа В. Г. Богораза-Тана:

В прошлом, до прихода русских, юкагиры, вместе с родственными им чуванцами и другими, более мелкими племенами, занимали обширное пространство между двух океанов: Полярного и Тихого, от реки Лены до реки Анадыря. <...> По древним сказаниям, шатры и огнища юкагиров были расположены так часто, что Ворон Громник, пролетавший над тундрой, совершенно почернел от дыма и копоти и должен был бессильно опуститься на землю, не пролетев даже и половины пути. Ныне от юкагиров осталось несколько сот человек, а чуванцы совершенно исчезли [Богораз-Тан, 1935, с. 3].

Советская литература, сочетая в себе черты интернационально ориентированного героического эпоса и европейского этнического романтизма, попыталась «реабилитировать» исчезающие малые народы в перспективе мифа об их неизбежном будущем возрождении.

Однако и полноценными героями русской литературы советского периода, в отличие от тех же эвенков или удэге (мы имеем в виду шаманку Синильгу в «Угрюм-реке» В. Шишкова, Улукиткана в повестях Гр. Федосеева, Дерсу Узала В. Арсеньева и др.), кеты так и не стали. Тем не менее в романе «Воскресшее племя» В. Богораза-Тана истории вымышленных одунов придан расширительный смысл, подразумевающий будущую судьбу всех подобных им малых народов, в том числе и кетов:

История одунов – это не только история юкагиров, это – история кетов, долганов, эвенков и эвенков и десятка других северных народностей, над угнетением которых работали вместе казаки, исправники, торговцы и попы [Там же, с. 4].

Во второй половине XX в. кеты лишь упоминаются в рассказе «Не хватает сердца» повести В. П. Астафьева «Царь-рыба» (1976) в ряду таких же «наивных» енисейских, соблазнившихся на вознаграждение за поимку беглецов из лагерей в конце 1930-х гг.:

Однако вербованные людишки, падкие на дармовщину, развращенные уже всякого рода подачками, а также *наивные северные народы* – долгане, нганасаны, селькупы, кето, эвенки, – не ведая, что творят, стали вылавливать «врагов народа» и доставлять их на военные караульные посты, выставленные в устье глубоких речек. <...> ...Герои энкавэдэшных служб вместе с падкими на вино *полудикими инородцами пили до зеленых соплей* на деньги дуриком доставшиеся, – вино было дешевое, время бездумное, энтузиазму полное (курсив наш. – В. М.) [Астафьев, 2017, с. 159].

Перечисленные поведенческие черты кетов (наивность, полудикость, алкогольная зависимость) у Астафьева ничем не отличаются от описанных этнографами второй половины XIX в., обозначение «инородцы» также относится к лексикону дореволюционной публицистики и официоза. По Астафьеву, отказавшись от вековой для тайги этики взаимопомощи и гостеприимства, люди тем самым попали в чуждый для них трагический круговорот жертв и палачей советской истории. Драматическая история «остяка дурного» [Там же, с. 241] Киряги-деревяги, инвалида войны, продавшего свою единственную медаль цинику Герцеву, сплетает воедино комедийный архетип хвастливого воина и печальную участь спивающегося малого народа.

Однако у Астафьева сохраняется и «руссоистский» взгляд на естественную жизнь сибирских народов в их природной среде. По впечатлениям от поездки писателя на озеро Кетá (Хита) – озеро на плато Путоран – было написана лирическая миниатюра «Кетское озеро» (2001). Воспоминания детства смешиваются здесь с идиллическими осенними пейзажами озера, уже покинутого кетами. Это лирическая идиллия в прозе о сохранившемся земном Эдеме, где человек еще живет в гармонии с природой: «Здесь, где еще царит кетский сон и земная благодать» [Астафьев, 2007, с. 695].

В 1990-е – начале 2000-х гг. начинают складываться такие разные направления постсоветской литературы, как постмодернизм и регионализм, в которых ведущую роль сыграли этнически русские авторы. Их любимыми персонажами, как и раньше, становятся шаманы/шаманки, мудрые старики и старухи, опытные проводники (в том числе и в другие миры). Этот персонажный набор «медиаторов» характерен для таких разножанровых произведений, как «Бубен верхнего мира» В. Пелевина (1998), «Перевал Дятлова» А. Матвеевой (2001), «Номер один, или в Садах других возможностей» Л. Петрушевской (2004), «Тетта Обдория» В. Дворцова (2006), «Песнь тунгуса» О. Ермакова (2017). Нельзя не упомянуть и «Белую книгу» (2004) – мистификацию модного в начале 2000-х автора Ильи Стогова, которая построена на вольном использовании преданий и топографии самых разных народов Севера и Сибири. Впрочем, для жанров мистического триллера или притчи этническая идентичность «энтти» из «Номера один» Л. Петрушевской, шаманки Тыймы Пелевина и т. п. представляются несущественными. Особо следует выделить психоделическую прозу Е. Радова («Я хочу стать юкагиром», 1994), посвященную воображаемой смене идентичности.

В современных исторических фэнтези восстанавливается и роль тех или иных малых народов в прошлом России, как это произошло, например, с вогулами (манси) в романе-легенде А. Иванова «Сердце пармы» (2003). Именно этот роман открыл для современных прозаиков возможности отечественного «магического реализма» с сочетанием регионального и этнического компонентов, продемонстрировал эффективность использования ресурсов «экзотической» лексики и топо-

нимики в повествовании и хронотопе. Напомним однако же, что у истоков подобной этнической прозы в начале XX в. стояли ссыльные русские интеллигенты-этнографы, писавшие и «палеолитические романы» из жизни народов Севера и Сибири, действие которых происходит в доисторические времена («Восемь племен» (1902), «Жертвы дракона» (1909) В. Г. Богораза-Тана).

Как нам представляется, в творчестве современных отечественных авторов историческая и этническая беллетристичность конкурирует с вневременной притчеобразностью, а шаманы и мудрые старики – с эпическими героями-воинами, «людьми Судьбы». Так, Э. Лимонов объединил свои эссе и рассказы в сборник под необычным названием «Апология чукчей: мои книги, мои войны, мои женщины», где собственно чукчам посвящено одно небольшое эссе, восхваляющее их воинственность и непокорность в череде русско-чукотских войн XVII–XVIII вв. [Лимонов, 2013]. Автор, его издатели и читатели, несомненно, соотнесли его с давней традицией советского городского фольклора – анекдотами 1970–1980-х гг. о чукчах, однако в эссе Лимонова чукчи выступают не наивно-мудрыми детьми природы, попавшими в чуждый для них мир городской цивилизации, как это было в цикле советского городского фольклора, а великими воинами, равным которым не было по обе стороны Берингова пролива.

Кеты предстают в ореоле схожего типа мифологизации – героического эпоса, исторического романа, романа-притчи и даже лирики. В 2010-е гг. особое внимание московских критиков привлекли к себе романы-притчи прозаика из Красноярского края А. Е. Григоренко «Мэбэт» (2011) и «Ильгет. Три имени судьбы» (2013), а в региональной культурной среде значительным явлением стала историческая трилогия А. М. Бондаренко «Государева вотчина: Сказание о земле Енисейской» (1999–2005). Во всех трех романах авторы создают воображаемое эпическое прошлое енисейских народов, соотнесенное с вторжением монголов вдоль Енисея в XIII в. или первым появлением там русских в XVII в.

Действие романа-притчи «Ильгет» происходит в широком географическом пространстве – на берегах Ионесси (Енисея) и в Самарканде, его персонажи разнообразны – ненцы (юраки), тунгусы, кеты, монголы Чингисхана, мусульмане. Главный герой – кет-найденш, который восстанавливает утраченную идентичность своего имени, рода, места рождения, тотема: «Ты нашел меня, брата, имя, свой народ. Теперь осталось вернуть землю» [Григоренко, 2013, с. 186]. Свое кетское имя Ильгет – «Человек Вселенной» (Ильгет – *букв.* земной человек; ср. кет. *илбанг* (*ильванг*) – вселенная), свою мать и место рождения он узнает, лишь пройдя трудный путь воина и мстителя за убитого брата (Ильгет – герой прежде всего военных преданий кетов): «Ты остяк рода Большого Окуня, у тебя есть твоя река и земля» [Там же, с. 195]. Добравшись до места рождения, родной реки

...потому и реку иногда называют Бирюсой, но теперь она твоя. Великое дело, когда скитавшийся человек в свое гнездо возвращается. <...> Так и называется твоя река – Ильгета. Ведь, кроме тебя, здесь иного никого нет [Там же, с. 252], –

герой обретет свой тотем и дух места:

Рыба ждала меня. Это был окунь. Он стоял против течения, медленно извиваясь большим черно-зеленым телом, и, приблизив глаза к самой поверхности, неотрывно смотрел на меня. Временами течение увлекало его под лед, но окунь возвращался. Так же неотрывно я смотрел на него, это продолжалось долго и, казалось, через мгновение рыба что-то скажет мне – так чудесно и благостно было на сердце [Там же, с. 272];

он получит и своего родового идола, кетский алэл:

В мешочке была крохотная деревянная кукла – от времени она покрылась блестящим налетом железа. – Твой алэл. Водой прибило... Сам вернулся, будто знал, что ты придешь. Ну вот, теперь ты совсем дома [Григоренко, 2013, с. 278].

Однако в последней части романа Ильгет теряет все – жену, детей, родную землю, став пленником монголов и оказавшись в чужой земле, в Самарканде. В финале романа архетипический мотив странствия и становления героя окончательно возобладает над мотивом возвращения к истокам, к идентичности. Так в судьбе героя реализуется семантика его имени, выводящая его за пределы этноса и локуса, на просторы мира. Став «человеком мира», герой сохраняет свою этническую и родовую идентичность:

И еще я знаю точно – Древо Йонесси (Енисей. – *В. М.*) не ложь. Оно вело меня к моей реке с невиданным упорством и терпением, потому что моя маленькая река течет через весь мир. Я вижу степи, горы, пустыни, другие озера и реки, но знаю, что странствую по ее берегам. Тайком я надеюсь, что когда-нибудь Большой Окунь, дух моей родины, выглянет из волны. Мне будет приятно увидеть его, но я пойду дальше. Мне надо идти, идти, идти, потому что путь долог, а странствующие – блаженны [Там же, с. 329].

В романе воссоздаются некоторые мотивы и персонажи как кетской, так и сибирской архаичной мифологии (Мировое Древо, «спящий бог» Есь, не вмешивающийся в события мира, тотемизм, культ предков и др.).

Трилогия А. М. Бондаренко повествует о завоевании казаками Енисейского края и создании ими первого острога в 1618–1619 гг. (см. [Бондаренко, 1999; 2001; 2005]). Это типичный постколониальный исторический роман, построенный на тщательном изучении источников и языка эпохи. Третий роман («Чудь заблудящая») построен на фабуле борьбы тунгусов во главе с князем Тасеем против русских казаков и восстании примкнувших к эвенкам кетов во главе с Веслой. К сожалению, объем нашей статьи не позволяет подробно рассмотреть эту трилогию и роль кетов в ее сюжете и персонажной системе. Отметим, что лингвист Б. Я. Шарифуллин даже составил на ее основе целый словарь-справочник [Шарифуллин, 20007].

По-своему пытались освоить кетскую тему и авангардисты 1990-х – начала 2000-х гг. Так, «юродивый» поэт и лингвист-кетовед Кирилл Решетников (известный в 1990-х гг. под псевдонимом Шиш Брянский) в своих стихах «Енисейского цикла» (1995) использовал мотивы кетской мифологии:

Тяжко глядящий, видящий все, что есть,
Иконописный наклонился Есь,
Чтоб роспись стерла, хвои слуг ежистых
На солнце-бубен веточкой нанося... [Решетников, 1995]

Нарождавшийся авторский модернистский «неомиф», к сожалению, редуцировался до традиционного для русской поэзии образа стихотворца как властителя воображаемого «кетского пространства», который, конечно, вполне естественен для лингвиста, владеющего этим редчайшим языком: «О, иную, пастырь, память я посею, / Будешь княжить, будешь править Кетью всею!» [Там же]; «Так и напишу в анкете / Господарь всея Кети!» [Брянский Шиш, 2003, с. 214].

В интервью конца 1990-х гг. Решетников наметил историческую альтернативу для кетов в духе отечественной фантастики тех лет:

– Ну, наверное, было бы неплохо побыть кетом, но только не нынешним, а одним из тех, что жили, скажем, в первом тысячелетии нашей эры. Ну или в начале второго. Тогда это был, судя по всему, куда более процве-

тающий народ. Кеты, или, вернее, енисейцы, пришли в Сибирь с юга и довольно сильно впечатлили окружающих жителей – в частности, благодаря своему знакомству с кузнечным делом. Похоже на то, что они очень неплохо умели воевать – скорее всего лучше их новых на тот момент сибирских соседей. Я иногда думаю вот о чем. Если бы монголы в свое время прорвались на Запад, то история Евразии сложилась бы иначе. <...> На Енисее выросли бы великие кетские города [Решетников, 2009].

К сожалению, симпровизированный «кетский миф» так и не стал какой-либо существенной частью его поэтического проекта и был сначала растворен в сибирской и евразийской этнической экзотике его стихов, а в начале 2000-х гг. на первый план вышло уже специфическое обценное юродство поэта.

Современный реалистический и тем самым антропологический взгляд на кетов («антропологическим» сейчас в международном литературоведческом обиходе принято называть то, что в русской традиции называлось «реалистической», «бытописательной», «документальной» прозой (см. [Stoller, 2015, p. 145]) должен быть связан с максимально достоверной репрезентацией бытия определенного социума, локуса, этноса. В таком виде «енисейский локус» представлен в повестях и рассказах 1990-х–2000-х гг. писателя и охотника М. Тарковского. Не случаен и его дальнейший переход к наиболее популярному сейчас типу антропологии – визуальной, воплощенной в документальном фильме «Счастливые люди» (2005).

Тем не менее отечественные критики относят прозу М. Тарковского к современному новому реализму. По нашему же мнению, его творчество скорее относится к «старому» русскому реализму, сочетающему «бытописание» и автобиографизм с авторской нравственной оценкой персонажей, т. е. представляющему «человека как существо духовное» [Кокшенёва, 2007, с. 484]. Автобиографические герои Тарковского прежде всего ищут смысл своей собственной жизни и совершают нравственный выбор, но они внимательно вглядываются и в жизнь кетов (остяков) как в быту, так и на охоте. В его рассказах и очерках можно встретить и впечатления от новой для рассказчика кетской этнографической экзотики, и мудрых старух, хранящих кетские алэлы, и стариков-охотников, и стаю алкоголиков, давно утративших этническую идентичность (язык и умение охотиться):

Тайгой никто из них почти не жил, все было пропито, а гуманные податки государства и разных комитетов только еще больше развращали. Языка тоже никто из них не знал, кроме одного слова «уль», означающего водку [Тарковский, 2014, с. 94].

Кетская этнографическая экзотика, уже описанная учеными, становится ярким впечатлением его персонажей или героя-рассказчика. Так, необычный случай на охоте вызывает интерес героя к обряду похорон у кетов и приводит к выводу об архаичной «детскости» их мышления:

Уже лежа на нарах, он рассказал, как след соболя привел его к высокому кедровому пню, он ударил по нему топориком, половина пня отвалилась, и Гена отшатнулся: из ниши выпал детский скелет. Оказывается, остяки хоронят своих детей в колодах, сшитых деревянными шпильками, причем обязательно лицом к реке. Старый охотник-кет сказал Гене, что хоронить детей в земле, пока у них зубов нет, грех, «их все равно земля не удержит – они улетают». Поэтому и хоронят их в лесине, чтоб они не вернулись в чум.

Взрослых закапывали в землю, обмыв в чуме и одев в лучшую одежду. В одежде делали прорезы, отрезали кончики обуви – чтобы душа вышла.

Она должна была помогать детям покойного. Около могилы оставляли дымящийся костер: «Далеко не ходи, вот тебе огоньшко». Уходили от могилы гуськом. Сзади всех шел отец покойного или другой старый человек. Позади себя он клал поперек тропинки палку, чтобы покойник не пришел в чум. Говорили, чтоб не оглядывался назад, мол, дорога твоя на белый простор закрыта.

Выходило, что, с одной стороны, хотели задобрить покойного, заручиться поддержкой в будущем, с другой – наоборот, оградиться, обезопасить себя. «Как дети», – подумал Митя [Тарковский, 2009, с. 82].

В другом рассказе герой встречается с мудрой старухой, хранящей кетские алэлы, домашних богов-покровителей:

Ваня, глуховатый остяк, тоже проверяет морду, загончик у него из реек, а сама морда из алюминиевой проволоки – вот тебе и остяк. Зато мать его, Тетка Мария еще что-то помнит не алюминиевую жизнь.

Тетка Мария живет в брусовом доме, внутри почти ничего нет, железные кровати, тряпки, печка, сковородки, кастрюли, кружки. В сених окно, и иногда в нем маячит ее лицо. Тетка Мария очень старая, у нее темно-желтая в складках кожа, смотрит она всегда настороженно, а двигается и говорит медленно, не очень понятно, и будто через глухую прослойку.

– Тетка Мария, покажи куклы.

– Куклы? – переспросит вяло, будто не понимая, голова подрагивает, движения неверные.

– Но. Покажи, вот тут ребята ко мне приехали, посмотреть хотят.

Она мешкает, потом идет с кухни в комнату, куда-то лезет, вставая на табуретку, достает, выносит и кладет на стол что-то завернутое в тряпку. В тряпке сверток росомашьей шкуры. Там куклы – алэлы, домашние покровители – деревянные лица и тряпичные туловища. У одной куклы вместо лица темная железная, а вернее всего медная петля – как сложенная плетка. Лица в оторочке из старинных бус, крупных, мутных, неправильной формы горошин – блекло желтых, красных, зеленых. Деревянные лица кукол темные, у одной оно особенно выразительное и круглое, на нем выдающийся узкий и горбатый нос, будто килек, вместо одного глаза квадратик жести на гвоздике – как подкладка шифер прибивать. Что-то поражающе суровое, какая-то страшная простота в этих древних младенцах в чепчиках из бус. <...> И тут она будто выплывает из своего оцепенения и говорит первые и последние свои твердые и осмысленные слова:

– Не, не. Пока жива со мной будут. В этом наша жизнь [Тарковский, 2014, с. 167].

Как писатель-«антрополог» Тарковский старается словесно представить наиболее типичную внешность кетов и их манеру говорить: «как все остяки, небольшой, приземистый, с широким лицом и индейской прической» [Там же, с. 89]; «а тот своей остяцкой скороговоркой выпалил: “Нарточки делат” [Тарковский, 2001, с. 152]; «когда напивался, через слово говорил “черт побери”, причем произносил это по-остяцки отрывисто и отчетливо – сродни перепелиному “спать пора”» [Там же, с. 229].

Особо рельефно выделяется в нескольких повестях и рассказах персонаж-кет по прозвищу Страдиварий, который за умение изготавливать нарты был прозван в честь скрипичного мастера. В первом приближении ему присущ драматический ореол:

Страдивария уважали за пыл, за отчаянную храбрость трудаги. <...> Выступающий вперед подбородок и крючковатый нос придавали ему не-

которую хищность, а пылающее в глазах выражение свежей трагедии делало похожим на попавшего в беду мелкого ястреба [Тарковский, 2014, с. 89–90].

Однако позже он оказывается никчемным работником и изображается уже как лидер полностью утративших свою идентичность (язык / умение охотиться) остяков-алкоголиков:

Частенько со Страдиварием таскались спокойный и упорный Юрка Тыганов и молодой губастый и стройный остяк по кличке Негр, совсем мальчишка, уже давно приучающий к водке здоровое и чистое нутро. Иногда следом за ними тянулся Радист, невысокий, крепкий и хитрый остяк с зелеными рысьими глазами, служивший в армии в связи. Страдиварий его не любил и орал: «Так! А этому не наливать! Он мне по уши должен и еще в моем пиджаке ходит!» [Там же, с. 104]

Саморазрушение кетов изображается как перевертыш эпико-героической традиции:

Пластиковая бутылка, с которой пришли остяки во главе со Страдиварием, как снаряд. Боекомплект распахивают под фуфайки, он выпадает из штанов, а его все тащат в какой-нибудь истлевший блиндаж и там бьют по себе с такой силой, что потом расползаются, шатаясь и падая, как в бою. За зиму погибло от пьянки человек пять, по большей части замерзнув и будучи насквозь больными [Там же, с. 252].

Делирические похождения погубившего свою душу Страдивария образуют постоянную мотивную канву нескольких произведений:

Полубездомный остяк Страдиварий ломился к Одуванчику, где – ему чудилось – пили, но не открывали, и он, схватив в две руки небольшую белую собаку, лупил ею в дверь что есть силы и хрипя: «Откройте, падлы!» Потом спал у крыльца, просыпался, орал, вставал, как труп, страшный, и падал, и никакой доброты и шири уже не было, и душа в спиртовом тепле давно сгнила и спарилась, и лишь опарышевым месивом блестелашевелилась на ее месте злоба, смерть, воровство и вечная ложь [Там же, с. 167].

Пьют и почти все персонажи-остяки второго плана:

Муксун, бывший охотник, тридцатилетний седой остяк со впалой грудью, стал инвалидом после того, как пропорол себе живот «бурановским» рулем, влетев пьяным в собственное крыльцо. Летом он неплохо добывал красную рыбу и всю пропивал на самоходках [Там же, с. 57];

...а остяк Петька Тыганов по кличке Тугун, которого грозились лишить охоты за пьянку, заплакал [Тарковский, 2009, с. 167].

В «бахтинском цикле» Тарковского даже в пьющем по преимуществу русском селе остяки прочно располагаются на самом дне: «где его и застукали продолжавшим веселье с двумя самыми запойными остяками» [Тарковский, 2001, с. 76]; «и пил он в самых отпетых компаниях. Была в деревне пара таких местечек, одно из них “на низу”. <...> Пришел с работы Вовка, рассвирепел, нашел “на низу” у остяков Валерку, “пару раз приварил” ему и ушел» [Тарковский, 2009, с. 151].

На другой, более значимой для автора стороне таежной жизни (охота, «рыбацкий труд») располагаются старые остяки-охотники и рыбаки, прежде всего Иван Лямич, однофамилец Страдивария, Николая Лямича:

Погибло все, и ружье-вертикалка, и промхозная тозовка, и продукты на весь сезон, а отца подобрал ехавший следом остяк-напарник. <...> С этим остяком, Иваном Лямичем, они однажды целый день гоняли сохатого, и отец досадным образом упустил зверя... [Тарковский, 2009, с. 142];

...изба деда Карпа, благообразного остяка, заходившего к нам после бани в байковой клетчатой рубашке и шароварах [Там же, с. 139];

...старый и уважаемый охотник и рыбак [Тарковский, 2001, с. 228].

В самом начале 2018 г. в газете «Литературная Россия», очевидно, по инициативе В. Огрызко, был опубликован конкурсный рассказ В. Шашорина «Хватит ли русскому сил, чтобы кету помочь?» [Шашорин, 2018]. «Ученический», литературный характер рассказа бросается в глаза (например, местом действия, как и у М. Тарковского, становится все то же уже «знаменитое» охотничье село Бахта), заметна упрощенность и условность мотивов действий персонажей, однако это не отменяет оригинальности сюжета. Он представляет собой возвращение к соцреалистической сюжетике учебы у русского «Большого Брата», но вывернутой наизнанку: юный кет испытывает отвращение к пьяной жизни своих родителей и хочет учиться у старого русского охотника охотничьему промыслу, возвращая себе утраченную идентичность:

– Учиться хочу. Пить не хочу. И ругать почем зря всех русских тоже!

Потеплело на сердце у деда – потянулся он к мальчугану, чтобы обнять, но сдержался: настороженным слишком паренек был всё еще. Вместе они постигали науку таежную охотничью до самой зимы.

А потом неожиданность произошла... <...>

– Езжай, дедушка. А я в лес уйду. Там буду промышлять соболей. Как-нибудь свидимся. Детей тебе покажу. Станут они настоящими кетами [Там же].

Сконструированный автором сюжет вряд ли может повлиять на общую тенденцию изображения кетов. А она довольно печальна: репрезентация кетского этноса в русской литературе расположена в зоне между эпическим или мифическим прошлым (завершенное историческое бытие) и реалистически изображенной деградацией, утратой идентичности в настоящем. К сожалению, как и в 1920-е гг., перспектива словесного бытия кетов, как и большинства малых народов Сибири, оказалась между эстетически противоположными полюсами этнически окрашенного исторического мифа и натуралистического декаданса.

Список литературы

- Астафьев В. П.* Кетское озеро // Астафьев В. П. Затеси. М.: Эксмо, 2007.
- Астафьев В. П.* Царь-рыба. М.: Мартин, 2017. 416 с.
- Богораз-Тан В. Г.* Воскресшее племя. М.: Худож. лит., 1935. 285 с.
- Решетников К. Ю.* Литературная критика – это цирк: Интервью К. Ю. Решетникова М. К. Бойко // НГ-Exlibris: Прил. к «Независимой газете». 2009. 9 июля. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2009-07-09/2_reshetnikov.html (дата обращения 10.04.2017).
- Бондаренко А. М.* Государева вотчина: Сказание о земле Енисейской. Кн. 1: Самоядь. Красноярск: Офсет, 1999. 447 с.
- Бондаренко А. М.* Государева вотчина: Сказание о земле Енисейской. Кн. 2: Стрела шамана. Красноярск: Офсет, 2001. 600 с.
- Бондаренко А. М.* Государева вотчина. Чудь заблудящая: Роман. Красноярск: Пик «Офсет», 2005. 528 с.
- Брянский Шиш.* Стихотворения. Тверь: Колонна Пабליкейшнз, 2003. 240 с.

- Григоренко А.* Ильгет. Три имени судьбы. М.: ArsisBooks, 2013. 332 с.
- Дульзон А. П.* Древние передвижения кетов по данным топонимики // Изв. Всесоюз. географич. о-ва. 1962. Т. 94, вып. 6.
- Кастрен М. А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2: Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Изд. Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
- Кокшенёва К. А.* Русская критика. М.: ПоРог, 2007. 496 с.
- Лимонов Э.* Апология чукчей: Мои книги, мои войны, мои женщины. М.: АСТ, 2013. 538 с.
- Огрызко В.* Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока: Биобиблиогр. справ.: В 2 ч. М.: Лит. Россия, 1998–1999. Ч. 1. М., 1998. 535 с.; Ч. 2. М., 1999. 547 с.
- Радищев А. Н.* [Описание Тобольского наместничества] // *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч.: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1952. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 133–142.
- Решетников К.* Стихотворения и рассказ // Вавилон: Вестн. молодой литературы. Вып. 3(19). М., Арго-риск, 1995. [Без паг.] URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon3/reshetnik.html> (дата обращения 10.04.2017).
- Селькупская литература: Материалы и исследования / Сост. В. Огрызко. М.: Лит. Россия, 2013. 396 с.
- Тарковский М.* За пять лет до счастья. Рассказы и повести. М.: Хроникер, 2001. 335 с.
- Тарковский М.* Замороженное время. Книга прозы. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. 416 с.
- Тарковский М. А.* Избранное. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2014. 496 с.
- Фадеев А.* Последний из удэге. М.: Сов. писатель, 1957. 484 с.
- Шарифуллин Б. Я.* Историко-лингвистический словарь трилогии «Государева вотчина» А. М. Бондаренко. Красноярск: Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2007. 338 с.
- Шашорин В.* Хватит ли русскому сил, чтобы кету помочь? // Литературная Россия. № 1. 2018. 12 янв. URL: <https://litrossia.ru/archive/item/10662-vladimir-shashorin-khvatit-li-russkomu-sil-chtoby-ketu-pomoch-na-konkurs-rasskazhu-o-svojom-narode> (дата обращения 10.04.2018).
- Reilly J.* Criticism of ethnic literature: Seeing the whole story // MELUS. 1978. Vol. 5, No. 1: Critical Approaches to Ethnic Literature. P. 2–13.
- Stoller P.* What Is literary anthropology? (Cohen's novel approaches to anthropology: Contributions to literary anthropology) // Current Anthropology. 2015. Vol. 56, No. 1. P. 144–145.

V. V. Maroshi

*Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation, maroshi@mail.ru*

**Between myth and literary anthropology:
Ket ethnicity in contemporary Russian literature**

The paper is dedicated to the literary presentation of an indigenous small ethnic group of Eastern Siberia – the Ket. Until the late nineteenth century, the Ket were treated as the poorest and most marginalized ethnos of this region. In Soviet literature, a special kind of ethnic literature appeared, aimed at reviving small ethnicities within the framework of «socialist realism» («The Last of Udege» by A. Fadeev, «Resurrected tribe» by V. Bogoraz-Tan). However, the Kets were not represented among the characters of Soviet literature. In the post-Soviet literature the situation

changed: firstly, the Kets became the epic heroes of the «ethnohistorical novels» of Krasnoyarsk local writers (A. Grigorenko, A. Bondarenko), and secondly, they represented mostly negative characters in the neo-realistic prose of a writer and a hunter M. Tarkovsky. In the novel-parable of A. Grigorenko «Il'get. Three names of fate», the narration takes place in the Middle Ages of East Siberia and Central Asia. The main character, Ket Il'get loses and restores his patrimonial and ethnic identity. The trilogy of A. Bondarenko is based on the real historical context, where Ket people try to revolt against Russian authority. Tarkovsky's stories and novels present young Kets mostly as marginalized alcoholics who lost their morality and ethnic identity, while the older generation retains traditional beliefs and habits. Being involved in Ket language studies, the avant-garde poet K. Reshetnikov uses several Ket mythopoeic motifs in his poetry of the 1990s («Yenisei cycle»). Unfortunately, neither archaic nor modern Ket mythology is reproduced, but some motifs as Tree, River, totemic ancestor, «Sleeping God» (Es') are used. In a recently published story of V. Shashorin «Is a Russian strong enough to help a Ket?», the old Russian hunter arrives in Siberia to find hunting places, but unexpectedly becomes a tutor of a young Ket who wants to learn hunting skills and thereby restore his lost ethnic identity. Thus, for the first time in Russian fiction, the return of the Ket to traditional occupations replaces the apology of the mythologized past.

Keywords: Russian literature, ethnic literature, indigenous peoples, Ket ethnicity, realism, myth.

DOI 10.17223/18137083/65/9

References

- Astaŭ'ev V. P. Ketskoe ozero [Ket Lake]. In: Astaŭ'ev V. P. *Zatesi* [Marcs on the Trees]. Moscow, Eksmo, 2007.
- Astaŭ'ev V. P. *Tsar'-ryba* [Tsar-fish]. Moscow, Martin, 2017, 416 p.
- Bogoraz-Tan V. G. *Voskresshee plemya* [Resurrected Tribe]. Moscow, Khudozh. lit., 1935, 285 p.
- Bondarenko A. M. *Gosudareva votchina: Skazanie o zemle Eniseyskoy. Kn. 1: Samoyad'* [Tsar's patrimony: legend of the Yenisei's land. Vol. 1: Samoed people]. Krasnoyarsk, Ofset, 1999, 447 p.
- Bondarenko A. M. *Gosudareva votchina: Skazanie o zemle Eniseyskoy. Kn. 2: Strela shamana* [Tsar's Patrimony: Legend of the Yenisei's land. Vol. 2: Shaman's arrow]. Krasnoyarsk, Ofset, 2001, 600 p.
- Bondarenko A. M. *Gosudareva votchina. Chud' zabludyashchaya: Roman* [Tsar's patrimony. Lost Chud' people: Roman]. Krasnoyarsk, Ofset, 2005, 528 p.
- Bryanskiy Shish. *Stihotvoreniya* [Poems]. Tver', Kolonna Publ., 2003, 240 p.
- Dul'zon A. P. Drevnie peredvizheniya ketov po dannym toponimiki [Ancient Kets movements according to toponymics]. *Izvestiya vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*. 1962, vol. 94, iss. 6.
- Fadeev A. *Posledniy iz udege* [The last of Udege]. Moscow, Sov. pisatel', 1957, 484 p.
- Grigorenko A. *Il'get. Tri imeni sud'by* [Il'get. Three names of the fate]. Moscow, ArsisBooks, 2013, 332 p.
- Kastren M. A. *Sochineniya: V 2 t. T. 2: Puteshestvie v Sibir' (1845–1849)* [Works: in 2 vols. Vol. 2: Journey to Siberia (1845–1849)]. Tyumen', Izd. Yu. Mandriki, 1999, 352 p.
- Koksheneva K. A. *Russkaya kritika* [Russian criticism] Moscow, PoRog, 2007, 496 p.
- Limonov E. *Apologiya chukchey: Moi knigi, moi voyny, moi zhenshchiny* [Apology of the Chukchi: My books, my wars, my women]. Moscow, AST, 2013, 538 p.
- Ogryzko V. *Pisateli i literaturnyye malochislennyye narody Severa i Dal'ne-go Vostoka: Biobibliogr. sprav.: V 2 ch.* [Writers of the small peoples of the North and the Far East: in 2 pts]. Moscow, Lit. Rossiya, 1998–1999. Pt 1. Moscow, 1998, 535 p.; Pt 2. Moscow, 1999, 547 p.
- Radishchev A. N. *Opisanie Tobol'skogo namestnichestva* [Description of Tobolsk's vicegerency]. In: Radishchev A. N. *Poln. sobr. soch.: V 3 t.* [Complete works: in 3 vols]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1938–1952, vol. 3. Moscow, Leningrad, 1952, pp. 133–142.
- Reilly J. Criticism of ethnic literature: Seeing the whole story. *MELUS*. 1978, vol. 5, no. 1: Critical approaches to ethnic literature, pp. 2–13.

- Reshetnikov K. Stikhotvoreniya i rasskaz [The poems and the short story]. *Vavilon: Vestn. molodoy literatury*. Iss. 3(19). Moscow, Argo-risk, 1995. [Bez pag.] URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/vavilon3/reshetnik.html> (accessed 10.04.2017).
- Reshetnikov K. Yu. Literaturnaya kritika – eto tsirk: Interv'yu K. Yu. Reshetnikova M. K. Boyko [Literary criticism is a circus: Interview of K. Yu. Reshetnikov with M. K. Boyko]. *NG-Exlibris: Pril. k "Nezavisimoy gazete"*. 2009. July 9th. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2009-07-09/2_reshetnikov.html (accessed 10.04.2017).
- Sel'kupskaya literatura: Materialy i issledovaniya* [Selkup literature: texts and Studies]. V. Ogryzko (Comp.). Moscow, Lit. Rossiya, 2013, 396 p.
- Sharifullin B. Ya. *Istoriko-lingvisticheskiy slovar' trilogii "Gosudare-va votchina"* A. M. Bondarenko [Historico-linguistic dictionary of the trilogy "Tsar's patrimony" by A. M. Bondarenko]. Krasnoyarsk. SFU Publ., 2007, 338 p.
- Shashorin V. Khvatit li russkomu sil, chtoby ketu pomoch'? [Is Russian strong enough to help Ket?]. *Literaturnaya Rossiya*. 2018, no. 1, Jan 12. URL: <https://litrossia.ru/archive/item/10662-vladimir-shashorin-khvatit-li-russkomu-sil-chtoby-ketu-pomoch-na-konkurs-rasskazhu-o-svojom-narode> (accessed 10.04.2018).
- Stoller P. What is literary anthropology? (Cohen's novel approaches to anthropology: Contributions to literary anthropology). *Current Anthropology*. 2015, vol. 56, no. 1, pp. 144–145.
- Tarkovskiy M. *Za pyat' let do schast'ya. Rasskazy i povesti* [Five years before happiness. Stories and tales]. Moscow, Khroniker, 2001, 335 p.
- Tarkovskiy M. *Zamorozhennoe vremya. Kniga prozy* [Frozen time. Book of prose]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009, 416 p.
- Tarkovskiy M. A. *Izbrannoe* [Selected works]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2014, 496 p.